

Современная российская высшая школа накануне преобразований

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-7-153-166

Костерев Антон Геннадьевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и социальной работы, ORCID: 0000-0002-2282-8074, Researcher ID: AAC-9643-2020, antonkosterev@rambler.ru

Ким Максим Юрьевич – канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой истории и социальной работы, ORCID: 0000-0002-1538-8998, Researcher ID: AAD-4848-2020, max198210@yandex.ru

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия

Адрес: 634050, Россия, г. Томск, пр-кт Ленина, 40

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению широкого круга проблем развития отечественного высшего образования, и прежде всего – проблеме преемственности в этом процессе. Поводом к этим рассуждениям стало анонсирование начала очередного этапа его реформирования, нынешний виток которого связан с принятием новых стратегий и программ, направленных на достижение искомого научно-технологического лидерства страны. В связи с этим нами была сделана попытка критического осмысления исторического опыта, призванная отыскать корни негативных явлений в современной российской высшей школе. Ведущим методом стал сравнительно-исторический анализ условий и обстоятельств формирования дореволюционного, советского и постсоветского модусов высшего профессионального образования. Отмечается, что ключевые параметры дореволюционной и советской моделей были обусловлены их системной вписанностью в крупномасштабные государственные проекты, связанные с технологическим и культурным освоением модернового уклада. Первопричиной большей части проблем постсоветской высшей школы указано крушение самого советского проекта, оставившее сложную подсистему высшего образования в ситуации практически полного несоответствия новым параметрам резко упрощившейся общественной системы. Радикальной реформы образовательной сферы по разным причинам не произошло, и в результате самостоятельной постсоветской модели высшего образования фактически не сложилось. Вместо неё мы наблюдаем стабильно регрессирующую совокупность фрагментов прежней советской модели и выборочно заимствованных отдельных элементов западной. Идущие тем временем перманентные реформы так и не возымели должного эффекта за вот уже более чем треть века своего проведения. Собственно критическая составляющая работы обращена на неадекватность восприятия чужого опыта, проявляющуюся в мифологизации советского и фетишизации западного. В заключении де-*

ляется вывод о том, что оздоровление сферы высшего образования возможно только в условиях принятия и реализации проекта общесистемного развития, внятно сформулированного в связанных между собою категориях ценностных ориентиров и социально-экономических целей.

Ключевые слова: высшее образование, советская высшая школа, высшее образование дореволюционной России, образовательные реформы, сравнительно-исторический анализ

Для цитирования: Костерев А.Г., Ким М.Ю. Современная российская высшая школа накануне преобразований // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 7. С. 153–166. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-7-153-166

Modern Russian Higher Education on the Eve of Transformations

Original article

DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-7-153-166

Anton G. Kosterev – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Social Work, ORCID: 0000-0002-2282-8074, Researcher ID: AAC-9643-2020, antonkosterev@rambler.ru

Maksim Yu. Kim – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of History and Social Work, ORCID: 0000-0002-1538-8998, Researcher ID: AAD-4848-2020, max198210@yandex.ru

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation
Address: 40, Lenina ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the consideration of a wide range of problems of development of domestic higher education, and, first of all, the problem of continuity in this process. The reason for these discussions was the announcement of the beginning of the next stage of its reform, the current round of which is associated with the adoption of new strategies and programs aimed at achieving the desired scientific and technological leadership of the country. In this regard, an attempt was made to critically understand historical experience, aimed at revealing the roots of negative phenomena in modern Russian higher education. The leading method in this case was a comparative historical analysis of the conditions and circumstances of the formation of pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet modes of higher professional education. It is noted that the key parameters of the pre-revolutionary and Soviet models were determined by their systematic integration into large-scale state projects related to the technological and cultural development of the modern way of life. The root cause of most of the problems in post-Soviet higher education is the collapse of the Soviet project itself, which left the complex subsystem of higher education in a situation of almost complete non-compliance with the new parameters of a sharply simplified social system. For various reasons, a radical reform of the educational sphere did not take place, and as a result, an independent post-Soviet model of higher education did not actually emerge. Instead, we observe a steadily regressing set of fragments of the former Soviet model and selectively borrowed individual elements of the Western model. The permanent reforms that have been ongoing in the meantime have not had the desired effect in the more than a third of a century that they have been implemented. The critical component of the work itself is directed at the inade-

quacy of the perception of foreign experience, which manifests itself in the mythologization of the Soviet and the fetishization of the Western. As a result, the conclusion is made that the improvement of the sphere of higher education is possible only under the conditions of the adoption and implementation of a project for system-wide development, clearly formulated in interconnected categories of value guidelines and socio-economic goals.

Keywords: higher education, Soviet higher school, higher education in pre-revolutionary Russia, educational reforms, comparative historical analysis

Cite as: Kosterev, A.G., Kim, M.Yu. (2025). Modern Russian Higher Education on the Eve of Transformations. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 34, no. 7, pp. 153-166, doi: 10.31992/0869-3617-2025-34-7-153-166 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

В последнее время в России активно реализуются инициативы, направленные на повышение качества высшего образования. В мае 2023 г. указом президента был дан старт пилотному проекту по изменению уровней профессионального образования¹, в феврале 2024 г. была обновлена Стратегия научно-технологического развития², произошёл перезапуск программы «Приоритет-2030» с фокусом на достижение технологического лидерства России³. В преддверии Дня российской науки 6 февраля 2025 г. состоялось очередное заседание Совета при Президенте РФ по науке и образованию, в центре внимания которого был вопрос о подготовке инженерных кадров для обеспечения приоритетных направлений научно-технологического развития. Всё это наглядно говорит о том, что система образования вновь находится в процессе концептуальной трансформации. В этой связи представляется оправданным,

особенно в условиях формирования новой Стратегии развития российского образования до 2040 г.,⁴ выдвинуть ряд соображений относительно закономерностей и перспектив её исторической эволюции.

Важно подчеркнуть, что корни проблем современной российской высшей школы кроются не столько в ней самой, сколько в тех объективных условиях, в которых ей приходится пребывать. В пользу этого вывода говорит тот факт, что тянувшийся вот уже треть века процесс её перманентного реформирования [1] так до сих пор и не принёс сколько-нибудь удовлетворительных плодов, что вызвало очередной виток преобразований. Приходится констатировать, что стартовавшая, по большому счёту, ещё в перестройку реформа отечественной системы высшего образования [2] уже успела стать самоподдерживающимся процессом, одна итерация которого неуклонно сменяется другой.

¹ Указ Президента Российской Федерации «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» от 12.05.2023 № 343 // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49210> (дата обращения: 07.03.2025).

² Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» от 28.02.2024 № 145 // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/73579> (дата обращения: 07.03.2025).

³ 100 университетов из 41 региона страны отобраны в основной трек программы «Приоритет-2030». 18 марта 2025 г. // Сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/96562/> (дата обращения: 18.03.2025).

⁴ В разработку Стратегии развития образования включились представители всех 89 субъектов России. 19 декабря 2024 г. // Сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/92932/> (дата обращения: 07.03.2025).

С одной стороны, всё это выглядит вполне естественным и закономерно проистекает из непреложного свойства всех высокоорганизованных структур, стремящихся к поддержанию равновесного состояния, при достижении определённого уровня системной сложности переходить ко всё более автономному режиму функционирования, сопротивляясь воздействиям внешней среды. С другой же стороны, это может свидетельствовать об игнорировании того факта, что качество функционирования социальных институтов вроде науки и высшего образования, являющихся составной частью подсистемы, отвечающей за развитие, целиком и полностью определяется соответствующими системными параметрами социума как единого целого.

Высшее образование дореволюционной России и проект «L'État moderne»

Высшее образование и наука не были органически порождены отечественной культурной средой. Они были механически привнесены извне и институционализированы в рамках нескольких итераций имперской модернизации, для обеспечения, прежде всего, технико-экономического развития государства. Вместе с тем высшая школа не без проблем, но достаточно быстро вписалась в российский социокультурный ландшафт, со временем взяв на себя функцию ретранслятора смыслов, социальных идеалов и образцов поведения.

Отсюда проистекает принципиальное отличие российской системы высшего образования от западных аналогов – изначально учредителем её институций выступало государство. Это, в свою очередь, заложило прочную традицию восприятия образования государственным делом, осуществляемым, прежде всего, за счёт государства и во имя его интересов – в контексте положенной в основание самой этой государственности парадигмы служения. Поэтому с самого начала оно было частью набора инструментов по решению сверхзадач. Уже петровская

модернизация использовала образование как утилитарное средство обретения статуса европейской державы, понимаемого через милитаристское великодержавие, а открытие первого в стране университета было вызвано соображениями не столько кадрового голода, сколько неизменного имперского престижа.

О системе высшего образования как таковой (так же, как и о национальной образовательной политике как о едином целом) можно говорить с начала XIX в., после учреждения Министерства народного просвещения и формирования университетской сети в эпоху вхождения Российской империи в круг великих просвещённых держав. Открытие новых университетов на тот момент служило мерой организации среднего образования (посредством учебных округов) и обеспечения преподавателями среднеучебных заведений. Тем самым они были призваны стать частью единой образовательной системы. Окончательно же она оформилась во второй половине XIX в. на волне инициированного государством перехода к индустриальному капитализму в попытках сохранения имперского статуса, поставленного под вопрос итогами Крымской войны.

При этом положение самих университетов внутри общественной системы Российской империи претерпевало цикличные колебания, диктовавшиеся сменой векторов внутренней (а порою и внешней) политики, что нашло своё отражение в модификациях университетского устава 1804, 1835, 1863 и 1884 гг. Формально прототипом для них служила гумбольдтовская модель классического исследовательского университета как центра эталонного знания и высшего научного образования, но лишь несколько из них в реальности действительно приближались к этому образцу.

Однако всё это не должно заслонять тот факт, что основным предназначением университетского образования имперской России от начала и до конца выступало пополнение чиновного аппарата квалифицирован-

ными кадрами. Университеты, прежде всего, выполняли всё ту же служебную функцию [3], осмыслявшуюся в категориях державного служения и непосредственно замыкавшуюся на удовлетворении насущных потребностей государства в расширении и усилении контроля над огромной и разнородной страной. С одной стороны, это диктовалось логикой перманентной внутренней колонизации, с другой же, определялось вынужденным «втягиванием в модерн», что актуализировало проблему, выражаясь современным языком, экспертного управления, частично закрывавшуюся университетской подготовкой государственных служащих.

Этим же обстоятельством было обусловлено формирование, начиная со второй трети XIX в., второго по важности сегмента тогдашней высшей школы, представленного технологическими и политехническими институтами, создававшимися по примерам французской политехнической школы и немецких политехникумов соответственно. Фундаментальный характер образования в первых и широкопрофильная специализация во вторых делали их выпускников не просто инженерами, а высококвалифицированными управленцами в различных отраслях растущей всё более стремительными темпами экономики. Эта связь инженерного образования с университетским была далеко не случайной, обуславливаясь общей включённостью в имперский проект, нагружавший их миссией воспитания профессиональных интеллектуалов, ставших критически необходимыми для паритетной конкуренции с оппонентами по имперостроительству в реалиях модерна [4].

Феномен советского высшего образования на путях транзита в модерн

Процесс формирования отечественной модерности продолжал определять магистральную логику образовательной политики и после 1917 г. в той же степени, что и в имперский период. Новая советская социальная реальность носила ярко выраженный

проектный характер [5]. Одним из главных результатов усилий страны стал переход к новому социально-экономическому и культурному укладу – советскому модерну. Его сущность определялась конкретно-историческими обстоятельствами геополитического реванша континентальной империи, но при этом объективно отражала дух времени позднеиндустриальной эпохи, пронизанный пафосом освобождающего прогресса.

Советский модернизационный мегапроект в силу ряда признаков можно считать имперским по своей форме и идеократическим по содержанию. Опыт советской образовательной политики свидетельствует об определённой преемственности с Российской империей, как в плане общих утилитаристских установок, так и в использовании образования в качестве средства сглаживания культурных различий, имперской унификации локальных сообществ и их культур.

Реализовывался этот проект, прежде всего, путём внедрения актуальных социальных конфигураций и практик (не в последнюю очередь, образовательных) на региональной периферии, вовлекая тем самым географические и культурные окраины в урбано-индустриальную среду «большого общества». Неизбежно расширявшееся при этом научно-образовательное пространство обеспечивало инфраструктурное сопровождение советского культурного строительства. Расширение периферийной сети образовательных учреждений и организация на их базе региональных научных центров меняли образ жизни и повседневность глубинки, продвигали культурный фронт, вытесняя архаику и знаменуя запоздалый приход современности.

Решающую роль проводника модернизационных импульсов в динамично менявшихся условиях XX в. сыграла научно-образовательная среда системы высшего профессионального образования. Исходя из этого, советская система высшего образования должна рассматриваться как важнейший фактор большевистского нацистроитель-

ства. В конечном счёте именно она и задавала системные параметры советского социума, формируя ядро советской идентичности.

Соответственно борьба за воплощение индустриальной утопии неизбежно затрагивала сферу высшего образования. Этот социальный институт должен был быть приведён в жёсткое соответствие с требованиями времени, являясь ведущим направлением государственной политики. Именно он отвечал за подготовку управленческих кадров высшей квалификации, формируя элиту нового общества – советскую интеллигенцию, которая в перспективе должна была стать опорой партийно-государственной системы. Поэтому приоритетной задачей всегда оставалось идеологическое воспитание всех участников образовательного процесса в высшей школе – одной из кузниц, где выковывалась советская социально-политическая идентичность.

Сразу после революции национальный научно-образовательный комплекс стал объектом глобального эксперимента. Он затронул систему управления вузами, содержание и методы преподавания, формы организации и направленность научно-исследовательской работы, подготовку и научно-педагогическую аттестацию профессоров и преподавателей вузов. В новых социально-экономических и политических условиях классические университеты должны были, по замыслам большевистского руководства, отойти на второй план или даже вообще исчезнуть, уступив место высшему профессиональному и техническому образованию, то есть учреждениям, готовившим конкретных специалистов и практических работников. Гуманитарное знание и общественные науки не имели в его глазах актуальности, представляясь отживающими реликтами навсегда ушедшей в прошлое эпохи. В отношении же естественных и точных наук в первые годы своего существования молодое советское государство довольствовалось остатками потенциала старой научно-образовательной системы.

Советское научно-образовательное строительство стартовало после официального взятия принципиального курса на индустриализацию. Его общие контуры примерно соответствовали общемировым тенденциям первой половины XX в., пролегая по траекториям, намеченным ещё в царской России уже накануне Первой мировой войны. Создание так называемой «большой науки» с мощным государственным финансированием, централизованным планированием научных исследований по приоритетным направлениям, сетью государственных научно-исследовательских институтов.

Своего рода «великим переломом» в сфере высшего образования и науки стала середина 1930-х гг., когда по результатам первой пятилетки леворадикальные реформы уступили место консервативному курсу на частичное возвращение к имперской модели с опорой на оставшиеся после реорганизаций университеты. Это стало симптомом окончания поисков путей выхода страны из состояния постреволюционной неопределённости и начала движения по выбранной траектории дальнейшего развития. Институционализация советского высшего образования и науки практически совпала по времени с последним этапом внутривластной борьбы, завершившейся победой проекта построения социализма в СССР путём форсированной индустриализации.

Служа вышестоящим целям, советская политика в академической сфере формировалась под воздействием как идеологической, так и условно «технократической» доминант. Последняя и определила конечный статус сферы науки и высшего профессионального образования как одного из секторов народнохозяйственного комплекса, напрямую завязанного на решение актуальных социально-экономических и военно-технических задач.

Становление «большой» советской науки вкпе с коренными изменениями экономической географии сделали необходимым расширение периферийной сети высших

учебных заведений. Организационно-структурное формирование советской системы высшей школы в качественном и количественном измерениях осуществлялось, главным образом, в период с конца 1920-х до начала 1950-х гг., когда происходили выборы сценариев из имеющихся альтернатив развития как страны в целом, так и научно-образовательной сферы в частности. Полностью же этот процесс завершился приблизительно к середине 1960-х гг., что вполне закономерно совпало с исчерпанием модернизационного потенциала советского мегапроекта.

Результатом стал весьма динамичный прирост регионального научно-образовательного потенциала. Причём, если на первом этапе (1920-е – начало 1930-х гг.) усилия государственной власти были направлены, в первую очередь, на формирование системы прикладных научно-исследовательских учреждений, то с 1934 г. преимущественное внимание стало уделяться развитию научных структур провинциальной высшей школы. Уже к 1940 г. на периферии именно вузовский сектор вместе с отраслевой наукой составлял базовый каркас региональных научно-образовательных комплексов, концентрируя основную массу обслуживающей инфраструктуры и кадрового состава провинциальной науки Советского Союза.

Всё вместе это отражало ещё один глобальный тренд к массовизации высшего образования как ведущего института массового общества модерна. В СССР по причине проведения форсированной индустриализации он обозначился даже раньше, начавшись в 1930-х гг. с появлением отраслевых вузов.

Тем самым в советской системе высшего образования воплотились как более ранние организационные концепции, так и общемировые тенденции, а также собственный опыт научно-образовательного строительства. В этом отношении прослеживается преемственность в организации высшего образования, начиная с позднеимперского периода [6] и вплоть до университетизации начала

1970-х гг., окончательно оформившей советскую научно-образовательную модель. Это увязывает историю советской высшей школы с магистральными модернизационными трендами, вошедшими в свою завершающую стадию в середине XX в. и сформировавшими отечественную науку и высшее образование в их современном виде.

Советское высшее образование, будучи субпроектом, подчинённым задачам реализации надстоящего мегапроекта, являлось своеобразным модернизационным инструментом двойного назначения в руках государства как главного актора модернизации, конструировавшего альтернативную модификацию модерности. С одной стороны, оно, играя роль интеллектуальной подпорки идеократии, было призвано продемонстрировать преимущества советского строя, обеспечив прорыв в будущее. С другой же – традиционно решало сугубо утилитарные задачи выхода на новые технико-технологические рубежи, необходимые для достижения паритета (или первенства) в геостратегическом противостоянии конкурентам по модерну.

В целом справляясь со своим предназначением, высшая школа наращивала собственную научную составляющую, что позволяло ей почти на равных с академической и отраслевой наукой участвовать в завершении индустриальной модернизации. К исходу советского периода она стала значимым фактором накопления советским социумом своей системной сложности. Безусловно, она не была свободна от целого ряда недостатков, становившихся всё более явными вследствие обострившихся с кризисом индустриализма внешних и внутренних противоречий [7]. Однако это были противоречия структурного характера, обусловленные самим ходом развития социальной системы, в результате которого её сложность уже выходила за горизонт возможностей своего управляющего контура. Другими словами, потенциально советское высшее образование подготовило транзит в следующий уклад, но на возмож-

ности осуществления этого процесса были наложены серьёзные системные ограничения, а вскоре оказались истощены и сами фонды развития.

Современная российская высшая школа – часть без целого

В наследство от СССР России досталась разветвлённая сеть высших учебных заведений, обладавшая значительным научным потенциалом, которая своей способностью решать задачи национально-государственного масштаба демонстрировала принципиальную сопоставимость с аналогичными формами организации науки и образования на Западе [8]. Но рассматривать её следует не саму по себе, а в качестве неотъемлемой части советской системы как таковой. Иначе говоря, советская высшая школа со всеми её плюсами и минусами – это не продукт бюрократических решений, а порождение самой советской социальной реальности, но теперь уже минувшей.

Крушение советской системы сопровождалось стремительной деградацией социальной инфраструктуры и параллельно шедшей деиндустриализацией [9]. Это неизбежно повлекло за собой эрозию тонкого слоя ткани советского модерна – как в сугубо технологическом, так и в культурном измерениях. В режиме «большого времени» данные симптомы можно трактовать как уже не первый в отечественной истории сброс накопленной общественным организмом сложности через принудительное упрощение социальной системы до уровня, доступного разумению звеньев управляющего контура. При этом ключевая закономерность социальной деструкции состоит в том, что, прибегая к марксистским дефинициям, базис деградирует быстрее, чем надстройка. В этих условиях сложные структуры развития оказываются совершенно избыточными в рамках упрощившейся системы, становясь обречёнными на быструю утилизацию («ужасный конец», но для самой системы это будет оптимизацией), либо на медлен-

ную некротизацию («ужас без конца»), обмениваясь в последнем случае продуктами своего распада с другими подсистемами, что в целом повышает токсическую нагрузку на социальный организм.

Этот путь и оказался уготован постсоветскому высшему образованию. Обусловленный целым комплексом объективных и субъективных факторов выбор упрощившейся системой модели периферийного капитализма [10] как новой формы своего устойчивого состояния запустил постепенный откат к доиндустриальному укладу и неминуемую при этом общую архаизацию сферы социальных взаимоотношений до соответствующих домодерновых образцов [11]. В контексте этого высшее образование выглядело откровенным реликтом ушедшей в прошлое высокоразвитой цивилизации, с которым её наследники просто не знали, что делать, воспроизводя по инерции опустевшие формы взаимодействия участников образовательного процесса на фоне инфляции вузовской сети, её дальнейшей университетизации и стремительной девальвации диплома [12].

В силу того, что резкого отказа от содержания избыточных структур по разным причинам сразу же не произошло, началась имитация выполнения атрофированными органами утраченных за ненадобностью функций [13]. За редким исключением структуры высшего образования вместо селективного отбора и направленного развития лучших стали играть роль пунктов массовой «поддержки» и социальной доадаптации.

Как следствие, пространство высшей школы с тех пор и по сей день стабильно демонстрирует целый ряд весьма характерных для кризисных эпох распада социальных систем явлений. Начиная ещё с перестроечных времён образовательные реформы шли под знаменем неомании – болезненной погони за новизной ради самой новизны. Проявлялось это, в основном, в бесконечной смене одних заимствованных извне прогрессивных форм и методик осуществления учебного процесса

на другие – такие же заимствованные, но всё более передовые, плеонастически обозначаемые нарочитыми англицизмами (модуль, кредит, брейнсторминг, геймификация, сторителлинг и т. д., и т. п.) [14].

Иллюстративны в данном разрезе сюжеты, связанные с образовательными стандартами и программами. К примеру, в большинстве случаев уже произошедший отказ от действительно устаревшей модели подготовки узкоспециализированных инженеров-отраслевиков всё чаще сопровождался переходом к якобы принципиально новой модели, основанной на базе формирования *STEM*- и *STEAM*-компетенций (заимствованной, разумеется, из опыта американской инженерной школы), подаваемой в качестве ядра и залога фундаментального характера образования «инженеров будущего».

Однако всё это в своё время уже с успехом реализовывалось ведущими советскими политехническими институтами и технологическими институтами царской России посредством углублённого изучения смежных дисциплин и фактического отсутствия деления их на профильные и непрофильные [15]. При сдаче магистерских экзаменов в дореволюционных университетах математику спрашивали с физиков гораздо строже, нежели чем с самих математиков [16]. Отсюда налицо и уникальные междисциплинарные достижения российско-советской науки XX в. (одни из наиболее ярких – биофизика (П.П. Лазарев) и химическая физика (Н.Н. Семёнов)). Ничто вроде бы не мешало делать то же самое и сейчас, но тут мы вновь упираемся в ещё одно ограничение, связанное с ускоряющимся падением качества студентов.

Неуклонно снижающийся образовательный, общекультурный и, как следствие, мотивационный уровень первокурсников, заставляет тратить львиную долю и без того со-

кратившегося срока обучения на приведение большей их части к состоянию, минимально пригодному для усвоения излагаемого материала. Ситуация ещё более усугубляется нормативно-подушевым финансированием⁵, вынуждающим заполнять бюджетные места ценою снижения планки для абитуриентов [17], в то время как фундаментальное образование, не будучи делом особо финансово затратным, по определению не может быть массовым.

Ещё одной красноречивой тенденцией стало продвижение идеи так называемых «предпринимательских университетов», всё так же перенятой у американской системы высшего образования (классическим примером которой является *MIT*). В перспективе они должны были стать точками роста высокотехнологичного сектора экономики, создавая вокруг себя инновационную инфраструктуру. Знакомство с советским опытом позволяет судить о том, что здесь мы видим аналогичные попытки, правда уже в новых условиях, установить пресловутую «связь науки с производством». Но, что в одном (отсутствие частной собственности и свободного негосударственного рынка знаний и технологий), что в другом (крайне низкий уровень предпринимательской культуры и узость внутреннего рынка) случае попытки эти встречали и встречают институциональные ограничения опять-таки системного характера.

Погоня за очередным миражом эффективной заграничной модели продиктована как предельным редуccionизмом в понимании сущности высшего образования, так и непониманием того, что порождена она была принципиально иной социально-культурной средой в принципиально иных социально-исторических условиях. Высшее учебное заведение (и тем более университет) – это не бизнес-инкубатор и не генератор стартапов,

⁵ Обратим внимание, что министр науки и высшего образования РФ В.Н. Фальков на заседании Совета по науке и образованию 6 февраля 2025 г. анонсировал отход от системы нормативно-подушевого финансирования вузов // Сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76222> (дата обращения: 07.03.2025).

а центр продуцирования идей и смыслов, непосредственная монетизация которых целью его функционирования не является. Связи же науки и высшего образования с производственной сферой и их эффективность задаются и определяются не искусственно создаваемыми структурами, но объективными параметрами социально-экономического климата, формирующего или нет запрос на инновационную деятельность.

Наиболее ярко следование процессам в западном образовании проявилось во внедрении Болонской системы. Несмотря на объявленный отказ от этой зарубежной модели, на которую мы ориентировались более двадцати последних лет, необходимо ещё раз подчеркнуть самое основное: конкуренция XXI в. – это геокультурная борьба, и, прежде всего, это борьба за глобальные стандарты, в том числе и стандарты образования. В данном ракурсе подключение к чужой образовательной платформе (при самом выгодном раскладе оставляющее адептов на вторых ролях) – это не что иное, как встраивание в чужой проект со всеми вытекающими отсюда стратегическими последствиями, обрекающими на следование навязанной повестке вместо формирования своей собственной.

Вызывает вопросы и введение на волне реформ компетентностного подхода, призванного, по сути дела, формализовать неформализуемое. Во многом, то, что именуется компетенциями, являет собою базовый набор элементов развитой культуры мышления, определённый уровень которой уже должен наличествовать у будущего специалиста к моменту поступления в вуз. Иными словами, способность и готовность получить высшее образование – это и есть важнейшая компетенция, поэтому её искусственное формирование только уже по ходу самого обучения выглядит весьма сомнительным.

В то же самое время вузовская среда продолжает переживать затянувшееся расставание с советским прошлым [18]. В её основе по-прежнему лежат провоцирующие вос-

поминания о «лучшем в мире образовании» останки советской модели, всё менее адекватные окружающим социально-экономическим реалиям, ибо формировалась эта модель под принципиально иные социальные параметры. И дело здесь не только и не столько в исторической инерции, сколько в том, что, несмотря на всё большую этатизацию [19], в общественной повестке отсутствует представление о конечной цели применения столь сложного по природе своей социального института, – цели, выходящей за горизонт продления настоящего. Инновации, цифровизация, искусственный интеллект, равно как и выполнение показателей вкупе с местами в рейтингах не могут выступать самоцелью – это не более чем возможные средства достижения так по сию пору и не сформулированной цели.

Тем самым за фасадом бурных трансформационных процессов проступает картина сочетания фетишизации западного и мифологизации советского опыта [20], выливающегося в метания между заимствованиями и призывами вернуться к «традициям» [21]. Причинами тому служат как упадок российской интеллектуальной культуры, так и объективный общемировой кризис идей, свойственный переломным эпохам. Это, в свою очередь, и препятствует пониманию того, что опыт столь сложных социальных систем в сопоставимых масштабах принципиально невоспроизводим. Рецептурный подход к некогда имевшим место быть примерам удачной организации образовательных подсистем никакого практического смысла не имеет, ибо в таком случае воспроизводить придётся не только сами эти модели, но и те уникальные исторические обстоятельства, в контексте которых они реализовывались. К тому же импорт образовательных форм и технологий теряет смысл ввиду всё того же общемирового кризиса высшего образования.

Новой модели российского высшего образования, качественно отличной от предыдущей, так и не сложилось. То, что есть

сегодня, являет собою механическое соединение на живую нитку структур и принципов советской модели с отдельными фрагментами западной.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что качество высшего профессионального образования, при прочих равных, детерминируется шириной социального заказа на него. Соответственно это качество практически всегда будет адекватным текущему уровню системной сложности социума. Поэтому образовательные реформы ни в коем случае не могут являться самоцелью, проводясь в отрыве от системного целого. Любые трансформации и модификации сферы высшего образования как сложной подсистемы, отвечающей за общественное развитие, должны осуществляться исходя не из контекста её текущих внутренних проблем, но не иначе как в русле целенаправленных усилий по изменению качества самой социальной системы. То есть реформы образования, на каких бы уровнях они ни проходили, всегда должны быть не более чем вспомогательным инструментом для решения выходящей стержневой задачи комплексного характера. При этом всегда надлежит помнить и придерживаться «золотого стандарта»: в нездоровой системе не может быть здоровых подсистем.

Прошлые объективные успехи и достижения в организации высшего образования были обусловлены тем, что осуществлялась она в контексте этатизма, подчинявшего социальное реализации крупномасштабных проектов. Этот позитивный опыт подсказывает, что решение подобных задач сегодня требует наличия внятного общенационального проекта развития, содержащего в себе привлекательный для большинства образ социального будущего. Отечественная модернизационная практика в целом заставляет добавить к этому, что предложить и реализовать такой проект в России способно только государство.

Литература

1. *Гребнев А.С., Кирабаев Н.С., Шейнбаум В.С., Зборовский Г.Е., Лукашенко М.А.* «Высшее образование в России»: 30 лет научной рефлексии (круглый стол) // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 12. С. 150–166. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-12-150-166
2. *Белоножкин А.С.* Реформирование системы высшего образования в СССР (1985–1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2006. 190 с. EDN: NQOEVL.
3. *Хаминов Д.В.* Система общего и высшего образования в Российской империи: принципы и направления государственной политики, нормативное регулирование и органы управления (историко-правовой аспект) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 285–298. DOI: 10.17223/15617793/474/31
4. *Грибовский М.В.* Классические университеты в научно-технологическом развитии Российской империи и СССР: покидая башню из слоновой кости // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 5. С. 136–149. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-5-136-149
5. *Меерович М.Г.* СССР как мегапроект // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сборник научных трудов / под ред. Горбачева О.В., Мазур Л.Н. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 28–39. EDN: YPUGPR.
6. *Дмитриева Е.А.* Эволюция основ развития советской системы высшего образования с учётом опыта Российской империи // Теория и практика общественного развития. 2023. № 5. С. 170–175. DOI: 10.24158/tpor.2023.5.26
7. *Степнов А.О., Грибовский М.В.* Асимметричная конкуренция: классические университеты и борьба за научное лидерство в позднесоветский период // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 3 (66). С. 60–71. DOI: 10.17072/2219-3111-2024-3-60-71
8. *Вахитов Д.Р.* Образовательные системы СССР и Запада: сравнительный анализ преимуществ и недостатков // Вестник ТИСБИ. 2014. № 4. С. 58–79. EDN: ZMDCUP.
9. *Бодрова Е.В., Калинов В.В.* Деиндустриализация России в 90-е гг. как фактор торможения современных модернизационных процессов // Теория и практика общественного развития. 2014. № 16. С. 242–245. EDN: SYZJCL.

10. Гомцяи О.А. Трансформация российского общества: ретроспекция проблем в постсоветской России // Человек. Сообщество. Управление. 2015. Т. 16. № 1. С. 60–77. EDN: TWTLOJ.
  11. Матецкая А.В. Проблема архаизации постсоветской культуры // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2015. Вып. 208. С. 38–64. EDN: UKTQCR.
  12. Крушельницкая О.И., Полевая М.В. О ценности диплома с точки зрения студента бакалавриата // Высшее образование в России. 2018. № 12. С. 50–57. DOI: 10.31992/0869-3617-2018-27-12-50-57
  13. Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. Имитации в высшем образовании как социальная проблема // Высшее образование в России. 2021. № 5. С. 88–106. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-5-88-106
  14. Будыкина В.Г. Англоязычные заимствования в терминологии российского образования // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 9 (405). Вып. 108. С. 20–22. EDN: YLQOGU.
  15. Сапрыкин Д.А. Инженерное образование в России: история, концепция, перспективы // Высшее образование в России. 2012. № 1. С. 125–137. EDN: OOGUEL.
  16. Костерев А.Г. «Отец сибирской физики» академик Владимир Дмитриевич Кузнецов. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-т систем упр. и радиоэлектроники, 2016. 175 с. ISBN: 978-5-86889-745-0.
  17. Сенашенко В.С. О реформировании отечественной системы высшего образования: некоторые итоги // Высшее образование в России. 2017. № 6. С. 5–15. EDN: YSYXMX.
  18. Дежина И.Г. Эволюция университетской автономии и академической свободы в оценках преподавателей университетов // Высшее образование в России. 2024. № 5. С. 48–66. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-5-48-66
  19. Шкафатан О.И. Становление постсоветского неоэтакратизма // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 5–22. EDN: JXENXH.
  20. Докучаев И.И. Реформы и агония. Очерки истории высшего образования в постсоветской России. СПб.: Астерион, 2017, 168 с. ISBN: 978-5-00045-43-2.
  21. Дрогобыцкий И.Н. Системные проблемы национальной высшей школы // Системный анализ в проектировании и управлении: сборник научных трудов XXVII Международной научно-практической конференции, 13–14 октября 2023 г., Санкт-Петербург. СПб.: Политех-пресс. 2024. Ч. 2. С. 217–223. EDN: HNOIVG.
- Благодарности.** Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука», код научной темы FEWM-2024-0014.
- Статья поступила в редакцию 29.03.2025
Принята к публикации 23.06.2025

References

1. Grebnev, L.S., Kirabaev, N.S., Sheinbaum, V.S., Zborovsky, G.E., Lukashenko, M.A. (2022). The Journal “Higher Education in Russia”: 30 Years of Research and Reflection. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 31, no. 12, pp. 150-166, doi: 10.31992/0869-3617-2022-31-12-150-166 (In Russ., abstract in Eng.).
2. Belonozhkin, A.S. (2006). *Reformirovanie sistemy vysshego obrazovaniya v SSSR (1985–1991 gg.): diss. ... kand. ist. nauk* [Reform of the Higher Education System in the USSR (1985–1991)]. Krasnodar, 190 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16201883> (accessed 07.03.2025). (In Russ.).
3. Khaminov, V.D. (2022). The System of General and Higher Education in the Russian Empire: Principles and Directions of Public Policy, Regulation, and Governing Bodies (A Historical and Legal Aspect). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. No. 474. pp. 285-299, doi: 10.17223/15617793/474/31 (In Russ., abstract in Eng.).
4. Gribovskiy, M.V. (2024). Classical Universities in the Scientific and Technological Development of the Russian Empire and the USSR: Leaving the Ivory Tower. *Vysshee obrazovanie v Rossii =*

- Higher Education in Russia*. Vol. 33, no. 5, pp. 136-149, doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-5-136-149 (In Russ., abstract in Eng.).
5. Meerovich, M.G. (2018). [The USSR as a Megaproject]. In: *Sovetskii proekt. 1917–1930-e gg.: etapy i mekhanizmy realizatsii: sbornik nauchnykh trudov* [The Soviet Project. 1917–1930s: Stages and Mechanisms of Implementation: a Collection of Scientific Papers]. Ekaterinburg: Ural. Univ. Publ., pp. 28-39. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36545456> (accessed 07.03.2025). (In Russ.).
  6. Dmitrieva, E.A. (2023). Evolution of the Foundations for the Development of the Soviet Higher Education System with Regard to the Russian Empire's Experience. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. No. 5, pp. 170-175, doi: 10.24158/tipor.2023.5.26 (In Russ., abstract in Eng.).
  7. Stepnov, A.O., Gribovskiy M.V. (2024). Asymmetric Competition: Classical Universities and Struggle for Scientific Leadership During the Late Soviet Period. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya = Perm University Herald. History*. Vol. 66, no. 3, pp. 60-71, doi: 10.17072/2219-3111-2024-3-60-71 (In Russ., abstract in Eng.).
  8. Vakhitov, D.R. (2014). The Systems of Education in the USSR and in the West: Comparative Analysis of Advantages and Disadvantages. *Vestnik TISBI* [TISBI Bulletin]. No. 4, pp. 58-79. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_45816132_88209969.pdf (accessed 07.03.2025). (In Russ., abstract in Eng.).
  9. Bodrova, E.V., Kalinov, V.V. (2014). Deindustrialization of Russia in the 1990-s as a Factor of Deceleration of the Contemporary Modernization Processes. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. No. 16, pp. 242-245. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22527774_94415872.pdf (accessed 07.03.2025). (In Russ., abstract in Eng.).
  10. Gomtsyan, O.A. (2015). [Transformation of Russian Society: A Retrospective of Problems in Post-Soviet Russia]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie = Human. Community. Management*. Vol. 16, no. 1, pp. 60-77. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23614137> (accessed 07.03.2025). (In Russ., abstract in Eng.).
  11. Matetskaya, A.V. (2015). The Problem of Archaization Post-Soviet Culture. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. [Proceedings of the St. Petersburg State University of Culture and Arts]. Vol. 208, pp. 38-64. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24254211_80136392.pdf (accessed 07.03.2025). (In Russ., abstract in Eng.).
  12. Krushelnitskaya, O.I., Polevaya, M.V. (2018). On the Value of Diploma from the Perspective of Undergraduate Students. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 27, no. 11, pp. 50-57, doi: 10.31992/0869-3617-2018-27-12-50-57 (In Russ., abstract in Eng.).
  13. Ambarova, P.A., Zborovsky, G.E. (2021). Imitations in Higher Education as a Social Problem. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 30, no. 5, pp. 88-106, doi: 10.31992/0869-3617-2021-30-5-88-106 (In Russ., abstract in Eng.).
  14. Budykina, V.G. (2017). Anglicisms in the Russian Education Terminology. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. No. 9 (405), no. 108, pp. 20-22. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32274513_49146706.PDF (accessed 07.03.2025). (In Russ., abstract in Eng.).
  15. Saprykin, D.L. (2012). Engineering Education in Russia: History, Conception, Future Trends. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 1, pp. 125-137. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17285602_55522897.pdf (accessed 07.03.2025). (In Russ., abstract in Eng.).

16. Kosterev, A.G. (2016). “*Otets sibirskoi fiziki*” akademik Vladimir Dmitrievich Kuznetsov [“The Father of Siberian Physics” Academician Vladimir Dmitrievich Kuznetsov]. Tomsk: Tomsk State Univ. of Control Systems and Radioelectronics Publ., 175 p. ISBN: 978-5-86889-745-0. (In Russ.).
17. Senashenko, V.S. (2017). On the Reforming of National Higher Education System. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 6 (213), pp. 5-15. (In Russ., abstract in Eng.).
18. Dezhina, I.G. (2024). Evolution of University Autonomy and Academic Freedom in the Evaluation of University Faculty Members. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 33, no. 5, pp. 48-66, doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-5-48-66 (In Russ., abstract in Eng.).
19. Shkaratan, O.I. (2009). [Formation of Post-Soviet Neocratism]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World*. No. 1, pp. 5-22. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11752253> (accessed 07.03.2025). (In Russ.).
20. Dokuchaev, I.I. (2017). *Reformy i agoniya. Ocherki istorii vysshego obrazovaniya v postsovetskoj Rossii* [Reforms and Agony. Essays on the History of Higher Education in Post-Soviet Russia]. Saint Petersburg : Asterion Publ., 168 p. ISBN: 978-5-00045-43-2. (In Russ.).
21. Drogobytskiy, I.N. (2024). [Systemic Problems of the National High School]. In: *Sistemnyi analiz v proektirovanii i upravlenii: sbornik nauchnykh trudov XXVII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Systems Analysis in Design and Management: Collection of Scientific Papers of the XXVII International Sci. and Pract. Conf., Oct. 13–14 2023]. Saint Petersburg: Polytech-press Publ., Part 2, pp. 217-223. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_68575184_81259744.pdf (accessed 07.03.2025). (In Russ., abstract in Eng.).

Acknowledgement. The work is funded within the framework of the basic part of the state task “Science” FEWM-2024-0014.

The paper was submitted 29.03.2025

Accepted for publication 23.06.2025
